

РОССИЯ И МИР живут в сложное и тревожное переходное время: происходит ломка старого мира и рождение нового, т.е. решается вопрос об ином мировом порядке, который, несомненно, окажет влияние и на внутреннее состояние России. Это побуждает всё больше задумываться о базовых понятиях российской цивилизации, о возможной судьбе России, её перспективах. Надежду на способность нашей страны сделать рывок в будущее даёт наша история, которая свидетельствует: Россия (в любом своём историческом облике) на протяжении многих веков демонстрировала удивительную способность наподобие птицы Феникс возрождаться из пепла. После тяжёлых поражений и катастроф, когда в подобных ситуациях другие народы исчезали с исторической арены, она воссоздавалась, становясь ещё более сильной и могущественной.

Этот исторический феномен заставляет обратить особое внимание на такое понятие, как "народ", которое относится к важнейшим понятиям цивилизационной тематики, однако не попало в поле зрения исследователей в том объёме, что раскрывал бы его фундаментальные свойства. Тому есть две основные причины. Одна коренится в упорном насаждении либеральными идеологами в общественное сознание страны представления, которое можно выразить в краткой формуле "народ у нас не тот". За ней скрывается множество негативных характеристик и поношений нашего народа с целью привить ему комплекс неполноценности и синдром неудачника. Вряд ли в мире есть ещё такой народ, относительно которого было высказано столько несправедливого и оскорбительного.

Другая причина — засилье постмодернизма, который распространился не только на Западе, но и на российских просторах, проникнув в искусство, социологию, психологию, философию. Постмодернизм исходит из недоверия или отрицания всего того, что было достигнуто человечеством в познании на протяжении предшествующих эпох. Уже не Бог, как в Средневековье, и не человек, как в Новое время (модерн), а тем более не народ является центром мировоззрения. Для него есть только то, что люди сами сконструировали для себя в соответствии со своими ценностями, когнитивными и социальными установками. Следовательно, нет объективной реальности как таковой, она иллюзорна.

Однако существующая на деле жёсткая объективная реальность современной жизни России неминуемо возвращает нас к теме народа и заостряет её. Наша многовековая история всегда протекала в парадигме "быть или не быть", демонстрируя феноменальную стойкость и способность русского народа восстанавливать своё бытие в более совершенном виде, чем прежде.

Наиболее известным источником описания событий самой глубокой древности является "Велесова книга", в которой отражена история от конца II тысячелетия до IX века нашей эры. Отношения к книге среди специалистов-историков неоднозначное. Некоторые считают её фальшивкой, другие приводят веские доказательства её подлинности. Впрочем, "Слово о полку Игореве" поначалу тоже считалось подделкой, а теперь оно является общепризнанным в качестве исторического литературного памятника.

В "Велесовой книге" можно встретить следующую утверждение: "Сто раз возрождалась Русь — и сто раз была разбита от полноты и до полноты". Но если это суждение представляется очень отдалённым от нас во времени и имеющим несколько метафорический смысл, то высказывание великого русского учёного-энциклопедиста М.В. Ломоносова, который жил не в столь отдалённое время и уделял большое внимание изучению русской истории, подтверждает данное суждение. Учёный писал: "Народ российский от времён, глубокою древностью сокровенных, до нынешнего веку столь многие видел в счастии своём перемены, что ежели кто междоусобицы и отвне нанесённые войны рассудит, в великое удивление придёт, что по столь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайшую степень величества, могущества и славы достигнул". Н.М. Карамзин в своей "Истории государства Российского" описал многочисленные драматические ситуации, из которых народ не только с честью выходил, но и "смерелостью и мужеством снискал господство над седьмою частию мира, открыл страны, никому дотол не известные".

Подобные примеры приводит и Л.Н. Гумилёв, касаясь истории XIII века, когда поражения Руси от монголов, ливонских немцев, литовцев, поляков привели в XIV веке к фактическому разделу Руси. Но уже "в конце XIV века обнаружился новый, ещё более грандиозный подъём: от Куликова поля русские войска дошли до стен берлинского Рейхстага". В этом же ключе звучат и речи И.А. Ильина, произнесённые им в Берлине (с 1926 по 1933 г.) в связи с Днём русской культуры, ежегодно отмечаемым эмиграцией. Ильин говорил "о долгом, вновь и вновь повторяющемся в русской истории страдании народа, о грядущем воскресении русского народа, о его кажущемся внешнем умирении — в окружении обступивших его равнодушных и занятых собою народов, — о неизбегном торжестве щедрой, молодой ещё силы, закалённой тяжкими Божьими испытаниями народной души".

Наиболее ярко этот исторический факт проявился в отечественных войнах 1812-го и 1941–1945 годов, а также в периоды исторических разрывов: от имперской России к могучей Советской России и от СССР к постсоветской России — через падение и катастрофу к новым достижениям и восстановлению звания великой державы, по крайней мере, в военном отношении (что очень существенно). Вынужденный обороняться от многочисленных внешних врагов и внутренних предательств, коих было немало на протяжении длительного исторического времени, народ неизменно проявлял свои необыкновенные героические качества.

Россия не раз оказывалась не просто в состоянии глубокого упадка, но была на грани полного исчезновения. С материалистической, рациональной точки зрения у неё не было никаких шансов на спасение. Но почему же она вновь и вновь возрождается, притом в сиянии ещё большего величия и могущества? Подоби-

мым вопросом, отнюдь не риторическим, задавался и Гумилёв: "Почему подъём Киевской Руси сменился жутким упадком, а из упадка возник новый подъём?" Такая постановка вопроса наталкивает на мысль, что в схожих, неоднократно повторяющихся исторических ситуациях в рамках дилеммы "быть или не быть", т.е. "жизнь или смерть", присутствует неведомый и недоступный логическому пониманию "дух народа", который оказывается ключевым в многослойной теме народа. Именно от него в решающей степени зависит судьба государств и цивилизации. При этом образ-понятие "дух народа", хотя и не лишён идеологического подтекста, как и все исходные понятия, связанные с исторической и культурной основой, вовсе не является неким искусственным идеологическим конструктом, а есть реальность, неосуществимая в своей полноте, недостаточно изученная, но тем не менее объективно существующая, что и подтверждает большой интерес к ней со стороны представителей социогуманитарного знания в XVIII — нач. XX в. как на Западе, так и в России.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД к этому явлению начал формироваться ещё в XVIII веке, когда французский правовед, философ и политолог Ш. Монтескьё ввёл в оборот понятие "дух народа". Он зафиксировал, что людьми управляют как материальные, так и идеальные факторы: нравы, обычаи, религия, законы, порождающие этот "дух". Придавая ему большое значение, учёный подчёркивал необходимость для законодателя соотносываться с "духом народа" и стре-

мацию и институты государства в тесной связи с "духом народа", который они определяли как главную составляющую жизни, пронизывающую все события прошлого и все аспекты бытия. В связи с этим на первый план выходит поиск национальных особенностей русского характера. М.П. Погодин, знаковая фигура того времени, был убеждён в том, что вместо политической истории надо изучать "дух народа", "историю ума и сердца человеческого". Его воззрения были проникнуты мыслью, что главное проявление народного духа заключается в "Божественном промысле", чему, по его мнению, отечественная история давала убедительные примеры. Он верил в то, что Россия ждёт великое будущее, поскольку "перст Божий" ведёт её к какой-то высокой цели.

В свою очередь, предложенная позже Гумилёвым теория пассионарности в некоторой степени коррелируется с "духом народа", но не полностью раскрывает его сущность.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ конца XIX — начала XX века не могла остаться в стороне от европейской философской мысли. Восприняв западное понятие "духа народа" и, прежде всего, идеи Гегеля, Гердера, Гумбольта, она творчески подошла к этому вопросу, вкладывая в него собственное смысловое содержание и своё образное видение. Концепцию "духа народа" в разных контекстах и в разные периоды разрабатывали многие представители русской религиозной философии: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, В.С. Соловьёв, С.Н.

ДУХ НАРОДА

Образ Победы и русский характер

миться избегать всего того, что может привести к его изменению или упадку. Известный немецкий философ и культуролог И.Г. Гердер считал, что "дух народа" выражает прирожденный характер нации, наделённый своеобразными и неповторимыми свойствами. Он является движущей силой её исторического развития, одухотворяет культуру, проявляясь в ценностях, традициях, обычаях и языке.

Но наиболее остро значимость "духа народа" осознавалась в XIX веке, который был веком стремительного развития индустриализации, небывалых достижений науки, культуры и искусства. Интеллектуальная элита, проникнутая идеологией Просвещения, играла огромную роль во многих гуманитарных сферах, в частности, в области изучения духовного. Французский психолог, антрополог и историк Г. Лебон справедливо утверждал, что жизнь народа, его верования, культура, учреждения суть наглядные проявления народной души (термин, близкий к понятию духа). Следовательно, и крупные исторические события — лишь видимые следствия невидимых перемен в мыслях людей.

Особенно большое внимание "духу народа" уделялось в Германии. Немецкая история, психология и философия внесли существенный вклад в его изучение, исходя из особенностей национального развития и духовного опыта. Руководствуясь разными методологическими и концептуальными подходами, идею "духа народа" развивали Кант, Фихте, Гегель — каждый в рамках своих философских систем. Для Гегеля история нации есть история её сущности или её "духа", утверждающего себя на "сцене истории".

Однако при всей общности тематики всё же существовали большие различия в понимании "духа народа". Для сторонников так называемой органо-логической немецкой "исторической школы" — А. Мюллера, Г. Шеллинга, В. фон Гумбольдта — главной была идея органического проявления народного духа, неизменности национального характера, постижение которого основывалось на "интуитивном разуме" в противовес разлагающему рассудку гегельянцев.

В области психологии наибольший вклад в понимание "духа народа" внёс В. Вунд, для которого "дух народа" — "нечто неизмеримо большее, чем сумма индивидов", через сознание которых он проявляется. Так он считал, что "язык, мифы и обычаи являются не какими-либо фрагментами творческого народного духа, а сами проявляют этот дух народа". Его 10-томный труд "Психология народов" не утратил своей значимости и сегодня.

В России, следующую в фарватере европейской культуры, воспринятом Петром I, понятие "дух народа" уделялось в этот период также достаточно большое внимание. Прежде всего, это проявилось в труде Н.М. Карамзина "История государства Российского". Изучение летописей и истории давало учёному большой фактический материал, наглядно демонстрирующий не только большую созидательную силу народа, проистекающую из всей совокупности нравов и обычаев, коренившихся в "народном духе", но и его необычайную самоотверженность в годы тяжёлых испытаний. Неслучайно даже декабристы, которые были в корне не согласны с политической концепцией Карамзина и жестоко её критиковали, уже при чтении первого тома отмечали выдающуюся роль народа и его духа в истории России. Так, например, Н. Муравьёв писал: "Видишь перед собою народ, какого не было ещё в истории, — погружённый в невежество, не собранный ещё в благоустроенные общества, без писем, без правительства, но великий духом, предпримчивый; он заключает в себе все качества обладателя — какое-то чудное стремление к величию. Какой народ может гордиться, что перенес столько бедствий, сколько славянский? Никакой народ не был столь испытан судьбой".

В последующий после Карамзина период многие представители исторической науки, следуя идеям западноевропейской философской и исторической мысли, рассматривали политическую

Булгаков, Н.Я. Данилевский, Н.А. Бердяев... Их суждения о национальном духе, который фактически отождествлялся с категорией "духа народа", влетали в рассмотрение духовных основ народного бытия. В "духе народа" виделось проявление иррационально постигаемого национального самосознания и национального мировосприятия, которые на практическом уровне сверхэмпирически организовывали народ в единую нацию. Тем не менее в тот период в рамках русской религиозной философии "дух народа" не успел сформироваться в качестве самостоятельной, основательно разработанной и общепринятой философской категории. Однако он нашёл своё дальнейшее воплощение в понятии "русская идея", разрабатываемой В.С. Соловьёвым, Е.Н. Трубецким, В.В. Розановым, С.Л. Франком, Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным и др.

К середине XIX века на Западе теоретические представления о "духе народа" под ударами позитивистской социологии О. Конта и экономического материализма К. Маркса утратили свою значимость. Заметное снижение градуса в изучении духовных потенций народа проявлялось в том, что интерес всё больше смещался в область психологии и антропологии. Это сопровождалось упрощением взглядов, доходивших до утверждения о том, что в природе нет двух начал: психического — "души" или "духа" и физического — тела или матери, а есть только одно начало — физическое. Э. Геккель, Э. Тайлор и другие призывали ориентироваться в "науках о культуре" на ньютоновский естественнонаучный метод.

В начале XX века произошла реабилитация "духа народа" благодаря историко-культурологическим исследованиям М. Вебера, Ф. Броделя, Н. Бердяева. В России (СССР) в целом наблюдались переобладание влияния позитивистского подхода в общественных науках, так и фактом общей идеологической ситуации, исключавшей понятие "дух народа" как проявление идеалистическо-религиозного мировоззрения. Несмотря на это, ощущение необходимости более эмпирического изучения причин сверхэмпирического единства народа в критические моменты истории страны явно присутствовало в смысловом поле многих публикаций, посвящённых героическим страницам истории нашего народа, но не артикулировалось.

ПОТРЕБНОСТЬ в понятии "духа народа" стала всё больше проявляться в XXI веке по мере развития исторических и политических процессов как в мире, так и в России. Изменение общемировой ситуации, связанной с ослаблением глобализации и растущей тенденцией к национальному возрождению, повышает значимость национального фактора в общественных процессах, тем самым актуализируя тему "духа народа". Его превозмогающая и преобразующая роль ожидает своего настоящего исследования не меньше, чем в предыдущие эпохи. Особенно ясно это стало сегодня в связи с событиями на Украине и обострением общей международной ситуации.

Проблема "духа народа", которая долгое время игнорировалась и даже оставалась негласно запретной из-за либерального доминирования, приобрела необычайно актуальное значение. Понимание этого важного обстоятельства должно было бы побуждать современных исследователей обратиться к изучению "духа народа" как к крайне важному. Однако пока лишь на периферии научного познания наблюдаются некоторые попытки осмыслить этот феномен и не столько с сущностной стороны (это наиболее сложная задача), сколько с внешней и дополнительной. Так, лингвистический подход подчёркивает полифункциональность "русского духа", понимаемого как фразеологизм, обуславливающий широкий спектр контекстуальных значений, который позволяет вывести из него множество экспликаций, в том числе "духовность".

Психологический подход больше продвинулся в интерпретации "духа народа", но рассматривает его наравне с другими понятиями, такими как "национальный менталитет", "национальный характер", "душа народа", в качестве тождественных и равноценных по своей значимости. Они, конечно, родственны с "духом народа", но имеют более слабый смысловой регистр, отражая всего лишь определённый уровень Духа, т.е. являются его заниженной версией. Учёным пока не достаёт смелости в понимании данных понятий выйти из кокона материалистического рационализма, перешагнуть рамки придуманного навязанных либеральных идеологических постулатов, враждебных сфере духовного. "Дух народа" часто воспринимается в обыденном сознании как синоним фразеологизма "русский дух". В последние годы в СМИ, в публичных выступлениях политиков стали актуальными выражения "Русский мир", "Русская весна". "Русский дух", который встречается в лексикографических источниках начиная с конца XIX века, естественно, не может быть исключён из этого ряда.

Но возникает вопрос: правомерно ли отождествлять "дух народа" и "русский дух", принимая во внимание тот факт, что в России проживает более 100 национальностей, которые не являются этнически русскими? Полагаю, такое отождествление вполне справедливо, ведь речь не идёт об узкой этнической трактовке. Русский народ в процессе своего формирования выбрал в себя множество племён, а за столетия совместного существования нередко происходило и этническое смешение. Представитель любой другой национальности, выросший в России, воспитанный в русской культуре, разделявший её фундаментальные ценности и прежде всего — патриотизм, ставший русским порою даже в большей степени, чем некоторые русские. Это говорит о том, что русскость коренится не в этнической сфере, а в духовной, в мироощущении. Из истории известно, сколько потомков немцев, французов, армян, грузин и представителей других народов, проживая в России, не только стали настоящими русскими, но и прославили её.

В данном контексте вспоминается примечательный случай, который произошёл в Москве (1987 г.) на Международном конгрессе, посвящённом философским основаниям науки. Среди многих иностранных учёных присутствовал известный немецкий физик, будучи уже в преклонных годах, который во время войны участвовал в создании баллистической ракеты ФАУ-2. По окончании работы конгресса для иностранных участников было устроено выступление хора Данилова монастыря — уникального явления, в котором "русский дух" через звуки волшебного пения явил себя в своей божественной сущности. Его воздействие на зачарованных слушателей разных национальностей и вероисповеданий оказалось столь мощным и ошеломляющим, что они, потрясённые, долго аплодировали стоя. Это невыразимо дивное, ангельское пение, доносящееся как будто из небесных сфер, оживляло и наполняло чистым светом душу людей, о существовании которой они давно забыли в мирской суете прагматическо-рационалистического мира, пробуждая в них чувство общения с Богом. В глазах немецкого физика читалось невыразимое удивление и потрясение. На следующий день он изъявил желание посетить службу в православном храме. Можно сказать, что "русский дух" — это рационально непостижимое явление, обладающее неисчерпаемой глубиной, аналог которого вряд ли где есть ещё в мире.

Следует отметить, что в предпринимавшихся немногочисленных исследованиях ментальности русского народа, которые содержали много справедливых констатаций, не хватало главного — объяснения заключающихся в "духе народа" метафизических предельных смыслов, которые охватывают вопросы мировосприятия, существования высшей реальности, свободы, предназначения и ответственности человека. Как заметил русский философ С.Л. Франк, "мы ощущаем какие то неистребимые, могущественные духовные порывы, которые

остаются без удовлетворения. В чём они, собственно, состоят? Что нам нужно?" Даже не зная, как их выразить, человек, осознанно или нет, пронизан глубинными метафизическими смыслами, имеющими надличностный характер. Именно на них основывается интуитивное понимание человеком смысла личной жизни, долга, проблемы смерти и бессмертия и т.д. Однако сложившаяся в познании формально-логическая система понятий и идей не способна уловить живую пульсацию жизни, связанную с духовным состоянием народа, его глубоко переживаемым экзистенциальным опытом. Этот опыт не укладывается в жёсткие познавательные схемы и требует для своего выражения особого языка и особой формы изложения, которые создаются каждый раз заново. Без обращения к метафизическим основаниям реальности, вне контекста сложной комбинации невидимых силовых линий, пронизывающих, питающих её, невозможно приблизиться к пониманию "духа народа".

МНОГООБРАЗНЫЕ проявления "духа народа" в культурной и социальной жизни демонстрируют его необыкновенную творящую силу. Но только под влиянием особых экзистенциальных ситуаций, т.е. в крайней, критической ситуации в сознании людей яркой искрой вспыхивает ощущение своей сакральной сущности, происходит внезапная активация предельных смыслов, бывших до того латентными, возникает ощущение причастности к неограниченному потенциалу горного мира. Подобные иррациональные переживания находят своё подтверждение в любой религии. И христианство, и такое течение ислама, как суфизм, и дзен-буддизм высоко ценили духовный опыт, не укладывающийся в рамки рационального объяснения. Иррациональное, включённое в нравственно-психологическое состояние людей, остаётся малоследственной областью современной науки, хотя некоторые попытки его объяснения предпринимались как в работах западных учёных (Ф. Бродель, Ф. Арриес, Ж. Дюби и др.), так и российских (В.В. Кортунов, Я.Г. Шемякин, С.В. Лурье и др.). Но в целом вера в рационализм стала доминантной, превратившись в непоколебимый догм, блокирующую признание иррационального. Нагруженное негативными коннотациями, такими как аномальное, странное, абсурдное и т.д., иррациональное стало символом всего потенциально недостоверного и анти-духа всего разумного, предсказуемого, объяснимого и упорядоченного. Невидимое по своей природе, иррациональное, содержащееся в "духе народа", становится видимым по своим проявлениям в трагические моменты истории России, т.е. в моменты, когда она находится в ситуации "быть или не быть". Тогда иррациональное вызывает к жизни невиданные новые качества, которые невозможно было даже предположить. Его воспламеняющая роль выражается во взрывном возрастании сил и возможностей народа, доходящего до своего собственного высочайшего потенциала. Слово "дух народа" подключается к неким высочайшим энергиям и становится способным приводить их к практическим действиям на грани возможного. Отсюда и бесстрашие перед лицом смерти как высшее проявление человеческого духа.

В непостижимости народа, казалось, таится нечто непонятное: он как будто попадает в другое измерение, где отсутствуют привычные нам физические законы, исчезают жёсткие установки разума. Можно подумать, что необычайную силу, энергию и многократно возросшие способности придаёт ему что-то неведомое, сверхъестественное. Не случайно западные политики и идеологи видят в "духе народа" иррациональное начало, некую загадку, за которой спрятана скрытая сила.

Несгибаемый дух и сильный характер, проявлявшиеся в беспримерном героизме и самоотверженности людей, поражали и пугали больше всего врагов во время Великой Отечественной войны. Эти качества продолжали и сейчас (в свете событий на Украине) пугать американцев и европейцев. Природа иррациональности "духа

народа" до сих пор не нашла удовлетворительного объяснения. Она не состоит в прямой зависимости от сурового климата, трудных материальных условий, существовавших общественных отношений и геополитических факторов. Все эти обстоятельства, несомненно, влияли на "дух народа", но никак его не создавали. Его природа проявляет себя как шифр чего-то Иного, которое, будучи нечитаемым, расшифровывается экзистенциально, что и составляет главное отличие "духа народа" от "национального менталитета".

"Дух народа" является своеобразным кодом российской цивилизации, который остаётся устойчивым во времени, обеспечивая преемственность российской истории, несмотря на все её исторические разрывы. Выход за пределы сугубо рационально-материалистического подхода с его абстрактными и безличными схемами позволяет включить данное понятие в исторический и цивилизационный анализ в качестве главного. Это даёт возможность сфокусировать качественные характеристики российской цивилизации и тем самым глубже понять смысл отечественной истории, а также причины возникновения мощного российского государства, ибо дух народа определял не только поведение отдельных людей, но и сущность государства. Обращение к "духу народа" позволяет увидеть потенциальные возможности России, которые пронизаны свойственным ему неукротимым стремлением к Победе.

Западные политтехнологи хорошо понимают, что стержень, скрепляющий ткань российской государственности, — это русский народ и его несгибаемый дух, обеспечивающий на протяжении веков целостность российского государства и достоинство его существование в мире, несмотря на смену политических форм. Именно этот стержень наши противники всеми силами стараются разрушить, опираясь в том числе на огромные теоретические изыскания. Сосредоточив у себя две трети планетарного количества антропологов, США развернули глобальные исследования, соединив их с современными знаниями и эффективными технологиями воздействия на сознание людей.

Их цели в полной мере лежали в русле рекомендации Отто фон Бисмарка, который утверждал: "Русских невозможно победить, мы убедимся в этом за сотни лет. Но можно привить ложные ценности, и тогда они победят сами себя". Именно это и происходило в 1990-е годы. Технологии, в основе которых лежали навязанные чуждые ценности и идеалы, были с успехом применены против Советского Союза и продолжали использоваться в отношении современной России, изрядно подрывая дух народа.

Но времена меняются. Искушения и страдания, посылаемые народу, день ото дня укрепляют его духовные силы. Всё больше людей, преодолевая уязвлённое историческое самосознание, пробуждаются от гипнотического сна, вспоминают свои традиции и великие Победы. Несгибаемый "дух народа" начинает возрождаться — прежде всего, в военной сфере, т.е. в своей главной исторической нише. Как справедливо заметил белорусский учёный Чеслав Кирвель, "только тот народ, то государство обладает наибольшей жизнестойчивостью, у которого есть соответствующий дух. Если народ верит в историческую миссию своей страны, если он патриотичен, если у него позитивное самосознание, то ему не страшны никакие исторические бури, он способен перенести все возможные испытания, натиск враждебной ему идеологии". Сейчас Россия в связи с событиями на Украине, спровоцированными агрессивными действиями США и беспрецедентными санкционными рестрикциями коллективного Запада, вновь оказалась перед дилеммой "быть или не быть". Но события показывают: непобедимый "дух народа" вновь демонстрирует свою творящую и обновляющую силу, что и всегда было в её многовековой истории.

На Западе до сих пор не разгадали загадку "русского духа" — у них для этого нет такого познавательного средства, как созерцание сердцем. Иначе бы там не нарушили завет основателя и первого канцлера Германской империи (1871–1918) Отто фон Бисмарка: "Заключайте союзы с кем угодно, развязывайте любые войны, но никогда не трогайте русских".

Чтобы успешно двигаться вперёд и успешно противостоять всем неблагоприятным ситуациям, наш народ снова должен поверить в себя, в то, что он могущественный центр мировой силы, способный побеждать в самых сложных исторических коллизиях.

На фото: бойцы 5-й Ленинградской партизанской бригады (1943 г.)

С М О Т Р И Т Е Л Е К К А Н А Л «Д Е Н Ъ»

ДЕНЬ TV
КТО О ПУРО ЗАПЛАТИТ ЗА СВО?

Яндекс Дзен

ПОВТОРЕНИЕ 90-X

Rutube

WHO IS ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН

YouTube

Крым — святой Грааль Прадильницы

ВКонтакте